

УДК 81'13

DOI: 10.17223/19986645/41/2

А.В. Кравченко

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ЛОВУШКА ЯЗЫКА

В статье показывается ошибочность базовых положений когнитивизма о репрезентативной функции сознания и языка. Подчеркивается биосоциальная функция языка как когнитивной области кооперативных взаимодействий, в ходе которых формируется и развивается индивидуальное сознание. Понимание этого требует пересмотра повестки дня наук о языке, включая научное определение предметной области языкознания и непредвзятый анализ метаязыка традиционной лингвистики.

Ключевые слова: репрезентационализм, знание, сознание, биология языка, метаязык.

1. О чем предупреждал Сенека

«Человеку свойственно ошибаться» – кто не знает этой древней истины, равно как и другой, не менее расхожей: «Не ошибается тот, кто ничего не делает»? Вряд ли найдется человек, готовый их оспорить, и потому мы привыкли, что ошибаться – естественно, а ошибки можно и нужно прощать. Однако Сенека-старший не ограничился в свое время констатацией этой человеческой слабости, закончив мысль очень важным добавлением: «глупо упорствовать в своих ошибках». Обнаружив ошибку, нужно стремиться ее исправить, ибо настойчивое ее повторение обычно ни к чему хорошему не приводит, и этому в истории есть масса примеров (из Новейшей истории достаточно вспомнить академика Лысенко, упорно верившего в чудеса селекции и возможность получения ветвистой пшеницы – наперекор тому, что об этом говорили исследования генетиков).

Но как обнаружить собственную ошибку (если она есть)? Все зависит от того, каким родом деятельности занимается человек. Если это некое практическое взаимодействие с физическим миром, имеющее прагматическую направленность, то ошибка, как правило, обнаруживается опытным путем, потому что физический мир подчиняется определенным законам природы. Но если это деятельность, представления о существовании и характере которой формируются опосредованно, через другие виды наблюдаемых взаимодействий человека с миром, обнаружить ошибку не всегда оказывается так уж просто. Речь идет о так называемой мыслительной деятельности человека.

Выражение «так называемая» употреблено здесь не случайно: мы привыкли говорить о мыслительной деятельности как о чем-то вполне очевидном, хотя что собой представляет эта деятельность как процесс, остается во многом неясным. Если в фундаментальных исследованиях нечто, не явленное человеку в прямом ощущении, может быть обнаружено и измерено экспериментально-инструментальным путем (например, элементарные частицы в физике или молекулярный состав вещества в химии), то с мыслительными процессами этого проделать нельзя по простой причине: они не являются по своей природе чисто физическими взаимодействиями, хотя запускаются и

опосредуются этими последними (в частности, центральной нервной системой). Но это только часть проблемы.

Другая часть проблемы связана с тем, что же, собственно, понимается под словом «мышление», какое существо и при каких условиях можно называть мыслящим. Является ли примером мыслительного процесса яркий увлекательный сон, про который проснувшийся человек ничего не помнит, кроме того, что сон был? Что представляет собой мыслительный процесс у человека, сидящего с отрешенным взором за столом и механически отщипывающего кусочки хлеба от лежащей на тарелке булки? Можем ли мы быть уверены, что в этот момент он о чем-то думает («мыслит»)? Или наоборот, что у него в голове нет никаких мыслей? Являются ли мыслящими существами животные, обнаруживающие разумное, с нашей точки зрения, поведение? И если мы отвечаем «да» на этот вопрос, означает ли это, что мыслительный процесс, например, у собаки или дельфина в принципе подобен мыслительному процессу у человека? Или эти процессы все-таки существенным образом различаются?

На эти и многие другие вопросы пытается ответить нейронаука, занимающаяся изучением происходящих в мозге процессов (отнюдь не все из которых можно назвать собственно мыслительными) в надежде приблизиться к ответу на главный вопрос современности: что такое сознание/разум? Однако нужно хорошо понимать, что нейронные процессы, протекающие в мозге, не есть собственно свойство мозга как материального субстрата сознания, как принято считать в когнитивной науке первого поколения (см. критику в [1]). Мозг – это центр управления всем организмом, а всякий отдельно взятый организм не существует в вакууме: он погружен в множественные связи и взаимодействия с миром, частью которого является он сам, а нейронные процессы «отображают» эти взаимодействия с миром и самим собой. Изучение того, какие взаимодействия «отображаются» какими нейронными процессами, помогает понять, как функционирует мозг как орган, но не дает ответа на вопрос о *природе* мышления и сознания. Любые попытки осмысленно подойти к ответу на этот вопрос, равно как и на вопрос о сходстве или различии между нейронными процессами человека и других животных, должны начинаться с другого, гораздо более простого вопроса: чем человек как биологический вид радикально отличается от всех других видов (см. [2]) и не в этом ли различии кроются истоки разумности?

Очевидно, что отличительной чертой человека является его языковая способность: только изучая эту способность именно как биологическое, а точнее, как биосоциальное свойство, несущее *биологическую функцию*, можно приблизиться к пониманию природы человеческого разума. Но для этого надо четко понимать, в чем состоит биосоциальная функция языка. И здесь мы снова возвращаемся к афоризму Сенеки, потому что традиционная наука о языке, не задаваясь вопросом о его биосоциальной функции, продолжает придерживаться ошибочного по своей сути понимания языка как знаковой системы, функцией которой является «репрезентация» мыслей (т.е. их повторное представление, но уже в материальной форме языковых знаков) с целью «обмена» ими. В результате большая часть теоретических построений в лингвистике оказывается не чем иным, как замками на песке, потому что на

вопрос, в чем состоит биосоциальная функция «обмена мыслями», *вразумительного ответа быть не может.*

2. Миф, которым живет лингвистика

Согласно известному тезису Протагора «человек есть мера всех вещей», и в своем познании мира именно человек в различных своих свойствах, качествах и проявлениях служит той матрицей, на которую он накладывает и с которой сравнивает все им воспринимаемое и познаваемое. Тот факт, что посредством языка мы описываем различные аспекты мира, который, как нам кажется, существует независимо от нас, лежит в основании неосознаваемой (подсознательной) убежденности в том, что с помощью языка мы представляем (репрезентируем) этот мир друг другу, рисуя картины этого мира подобно тому, как художник рисует этот же мир красками. Рисуемый мир художник и говорящий об этом мире человек используют разные по своей природе, но одинаковые по функции «выразительные» средства, с помощью которых выводятся вовне некие мыслительные образы воспринятого, находящиеся в сознании. Отсюда – вера в то, что функцией сознания также является репрезентация – но уже мыслительная – объектов и явлений внешнего мира.

В нескольких словах суть репрезентационализма как теоретического направления в философии познания заключается в следующем: функция сознания состоит в том, чтобы отражать мир в виде неких ментальных образов, которые хранятся в сознании (мозге) и позволяют человеку познавать мир через адекватную практику взаимодействия с этим миром. Поскольку естественный язык – часть воспринимаемого мира, неизбежен вывод о том, что способности нашего сознания направлены в том числе и на усвоение и сохранение ментальных репрезентаций *лингвистических объектов* (таких, например, как звучащие слова); эти объекты, соединяя форму и значение, позволяют передавать мысли от одного сознания другому. На этом выводе основано целое научное направление в лингвистике, занимающееся изучением *ментального лексикона*; последователи Хомского идут дальше, утверждая, что в мозге есть специализированный «языковой орган». Однако вера в то, что в нашем сознании находятся слова, которыми мы пользуемся при говорении, а также правила для их соединения во фразы, – это есть не что иное, как широко распространенное заблуждение [3]. Тем не менее ортодоксальная лингвистика продолжает упорствовать в этом заблуждении, настаивая на репрезентативной функции языка и сознания.

Как мне уже приходилось говорить (см., напр., [4]), термин «языковая репрезентация», взятый на вооружение когнитивной лингвистикой, используется для характеристики отношения, существующего между сознанием (мышлением) как нематериальной сферой ментальных образов и языком как материальной системой явлений акустической природы (высказываний), наделенных семиотической функцией. В различных версиях структурализма и отчасти функционализма семиотическая функция языка отождествляется с функцией «трансляции» значений (смыслов, идей) от одного сознания другому сознанию в процессе языковой коммуникации. В процессе такой трансляции «ментальные структуры», представляющие собой неявные сущности, «оязыковываются», «репрезентируются» в языковых структурах как явных сущностях, доступных восприятию, а следовательно, и научному наблюдению.

нию/изучению. Таким образом, изучение языковых структур, по мнению когнитивистов, способно приоткрыть дверь в ненаблюдаемый мир мыслительных процессов и сознания, дав ключ к ответу на главный вопрос гуманитарной науки о том, что есть познание. При этом что представляют собой структуры знания (которые также часто называют «концептами») – вопрос далеко не праздный, внятного ответа на который до сих пор нет (см. [5, 6]).

Вера вульгарных материалистов в объективный реализм и репрезентативную функцию сознания и языка не помогла продвинуться по пути познания природы человеческого разума, который якобы находится в мозге и дает о себе знать с помощью языка как инструмента, позволяющего «объективировать» наши мысли как продукт работы разума (см. [7]). Воцарившаяся в когнитивной науке компьютерная метафора – уподобление работы мозга работе компьютера – продолжает составлять концептуальное основание лингвистических исследований в русле когнитивизма так называемого «главного направления», а функция языка по-прежнему отождествляется с обменом информацией в процессе коммуникации. Все это – часть языкового мифа, отображающего уровень осмысления человеком мира, в котором он живет (см. [8]).

Именно потому, что мы воспринимаем окружающий мир именно так, а не иначе, главным образом благодаря тому, что «наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества» [9. С. 261], когда «грамматика сама формирует мысль, является программой и руководством мыслительной деятельности индивидуума, средством анализа его впечатлений и их синтеза» [10. С. 209], мы, как люди, существуем в языке – «доме бытия человека» [11, 12]. Эта тривиальная истина затушевывается той картиной мира, которую рисует нам наш обыденный повседневный язык, – ибо мы видим мир таким, каким его «видит» язык, во многом сохраняющий в себе архаичное, наивное восприятие мира.

В наивной картине мира все, что движется без видимых внешних причин (ручей, который *бежит*, облака, которые *плывут*, или ветер, который *дует*) – живое, а в основании всего живого, способного, как нам кажется, к самостоятельному перемещению в пространстве, лежит *anima* ‘душа’, поэтому и ручей, и облака, и ветер – одушевленные (живые) сущности. Точно так же и метаязык лингвистики оказывается в эпистемологической ловушке естественного языка, ибо мы можем строить гипотезы о его устройстве и функционировании, исключительно опираясь на ту имплицитную картину мироустройства, которую он сам нам и диктует. С этой точки зрения и междисциплинарный проект когнитивной науки оказывается в плену той системы категоризации мира, которая дана нам в языке и через язык.

Так, в повседневной человеческой практике знание обычно рассматривается как некий продукт, как вещь, над которой можно проделывать все те манипуляции, которые можно проделывать с любыми физическими предметами. Мы *ищем знания, добываем их и приобретаем, извлекаем, получаем, владеем, храним, утрачиваем, обнаруживаем, показываем, передаем, делимся с другими или утаиваем, набираемся знаний, накапливаем знания, идем в поход за знаниями* и т. д., и т. п. Знание в наивной картине мира рисуется как некий материальный предмет, имеющий утилитарные свойства и потому об-

ладающий определенной ценностью, ср.: «В условиях создания общества, где лидирует экономика знаний, особую роль приобретает задача полноценного извлечения информации и знаний из различных источников... необходимо разрабатывать методы извлечения знаний из источников разного состава, природы и качества» [13. С. 126–127] (выделено мною. – А.К.). Закономерным следствием такого понимания знания явилось возникновение в последней четверти XX в. нового вида профессиональной деятельности, обучение которой вошло в учебные планы многих вузов во всем мире, – управления знаниями (knowledge management), под которым понимается систематизация процессов создания, сохранения, распределения и применения знаний как интеллектуального капитала. Однако, как это часто бывает с картиной мира, которую рисует наш язык, она мало соответствует действительности — действительности, понимаемой не в традиционном философском смысле как некая «объективная реальность», а как наше существование как наблюдателей в области языковых описаний, ибо «мы, человеческие существа, существуем постольку, поскольку мы существуем как осознающие себя сущности в языке» [14. С. 115]. Мы конструируем «объективную реальность» в когнитивной области наших языковых описаний, не замечая того, что реальность как универсум независимых сущностей, о которых мы говорим, есть фикция как продукт чисто описательной области [15]. Но это та фикция, которой мы на самом деле живем.

Именно такой фикцией является совокупность так называемых «научных» воззрений на природу и сущность языка, в соответствии с которыми язык – это система знаков, служащая инструментом для обмена мыслями (информацией), а сам подобный обмен составляет якобы суть языковой коммуникации. Закрепленная в языке наивная картина мира, в которой мы обмениваемся и делимся мыслями, подбираем нужные слова для выражения мысли, ухватываем (чужую) и упускаем (свою) мысль, а сами мысли разбегаются, ускользают, приходят, застревают и т. п., держит лингвистическую мысль в плену заблуждения, что мир таков, каким его рисует нам язык. Язык и мышление превращаются в манипулируемые, онтологически не зависящие друг от друга вещи: один – «где-то там», в так называемой «объективной реальности», а другое – «где-то здесь», в сознании/голове. Однако при этом мы не в состоянии определить в понятных терминах сферу неязыковых мыслей или идей, которые – в соответствии с ортодоксальными взглядами – кодируются языком.

Конечно, всякое научное описание – это описание чего-либо посредством языка, но из того, что мы как когнитивные (живые) системы существуем и оперируем в когнитивной области языковых взаимодействий, вовсе не следует, что мы не можем и не должны пытаться выйти за пределы той «феноменологии» языка, которую нам навязывает учение о языке как системно-структурном образовании. Язык – это не материальный объект, который человек осваивает в приписываемой ему инструментальной функции в ходе встраивания (ин-формирования) в среду, совершенствуя в дальнейшем свои навыки использования этого орудия себе во благо – как если бы у него был выбор этого и не делать. Несмотря на то, что «человек, с точки зрения биологии — языковой организм» [16. С. 33], традиционная официальная лин-

гвистика не задается вопросом о биосоциальной природе языковой способности и роли языка в эволюционном развитии человека как биологического вида (см. [17]).

3. Как выбраться из ловушки

Несмотря на то что проблема соотношения языка и мышления (разума) занимает умы ученых уже не одно столетие, приходится констатировать, что особого прогресса в решении этой проблемы в рамках традиционной (отражательной) теории познания, взятой на вооружение когнитивной наукой первого поколения, не наметилось. Когнитивная способность человека – в первую очередь мышление – продолжает рассматриваться сторонниками когнитивного интернализма как некое свойство мозга, к которому язык имеет в лучшем случае косвенное отношение – в качестве инструмента, с помощью которого «объективируется» мысль. До сих пор отсутствует консенсус в понимании природы человеческой когнитивной способности, а результаты исследований, проводимых в различных научных областях, пока не могут быть интегрированы в какую-то приемлемую или хотя бы непротиворечивую динамическую модель языка в рамках более широкой динамической модели когниции в целом.

Выход из этого застойного состояния возможен и необходим – для этого надо, по образному выражению Э. Рош (в личной беседе), «не дать засосать себя омуту убеждений, которые обычно принимаются на веру». Задаваясь вопросом о том, как соотносятся язык и сознание, надо не забывать о том, что оба имеют опытную природу [18]; опыт же возникает из взаимодействий со средой, важнейшей частью которой является язык как биосоциально обусловленное поведение человека. Одно из главных положений учения Л.С. Выготского состоит в том, что, научившись языку, ребенок переходит к *новому способу мышления*. Следовательно, сознание включает в себя язык, и по этой причине оно, как понятие, относится скорее к человеческому виду в целом, нежели к отдельному индивиду [19]: индивидуальное человеческое сознание формируется в динамических отношениях между собой и другими, оно изначально имеет межсубъектный характер [20]. Эти динамические отношения образуют реляционную область языка как консенсуальной области второго порядка (т.е. такой области взаимодействий, в которой компоненты консенсуальной области первого порядка – слова и высказывания в пространственно-временном контексте ситуации «здесь-и-сейчас» – употребляются без консенсуальной области), и именно поэтому сознание не существует и не может рассматриваться вне языка, равно как и противопоставляться ему. Растущее понимание этого в биологически ориентированной когнитивной науке третьего поколения говорит о начавшемся эпистемологическом повороте [21] и формировании новой научной парадигмы, в рамках которой исследования языка должны учитывать биологию познания и ее особенности применительно к человеку как живой системе [22].

Динамически развивающаяся когнитивная наука третьего поколения исходит из того, что, несмотря на ту картину мира, которую нам «рисует» язык, мозг не репрезентирует квазизязыковые формы, так же как он не дает нам возможность отражать в этих формах выделяемые в физическом мире сущности. С точки зрения биологии «деятельность нервной системы не связана с

созданием репрезентаций среды, в которой существует интегрированная в нее живая система» [23. С. 22]. Ответ на вопрос, в чем состоит (биосоциальная) функция языка, может быть получен только в том случае, если лингвистика уйдет от ущербного понимания языка как средства репрезентации мыслительного содержания и сосредоточится на *языковых взаимодействиях* как средстве ориентирования в мире себя и других с целью наилучшим образом приспособиться к среде, а в дальнейшем – перейти к управлению ею, создавая характерную для человеческого социума *экологическую нишу* [24]. Для этого нужно сделать то, что хорошо иллюстрируется известной задачей на проверку способности мыслить нетривиально: как, не отрывая карандаша от листа бумаги, соединить четырьмя прямыми линиями 9 точек, каждая из которых равно удалена от соседних точек. Поскольку наша привычка мыслить аналогиями заставляет нас увидеть квадрат, якобы образуемый этими точками, попытки провести четыре требуемых линии обычно направлены на то, чтобы с их помощью и получить этот квадрат. Но в условиях задачи ничего не говорится про квадрат, это искусственное ограничение, налагаемое особенностями нашей когниции, ибо мы всегда стремимся категоризировать воспринимаемое в *уже известных нам образах и понятиях*. Только перестав мыслить шаблонами, другими словами, перестав видеть квадраты там, где их нет (а это очень и очень непросто), мы можем найти адекватное решение проблемы, стоящей перед наукой о языке в целом. Какова же эта главная проблема, к решению которой надо подойти непредвзято, преодолев искушение нарисовать этакий лингвистический «квадрат»?

Конечно же, это новое определение предметной области лингвистики и ее объекта, исходящее из понимания языка как *особой когнитивной области* – области языковых взаимодействий как адаптивных взаимодействий ориентирующего характера. Язык – это *укорененный в человеческой биологии (телесно воплощенный) специфический вид социальной деятельности*, образующей реляционную область – область координаций поведения. Языковое поведение не является автономным видом деятельности,

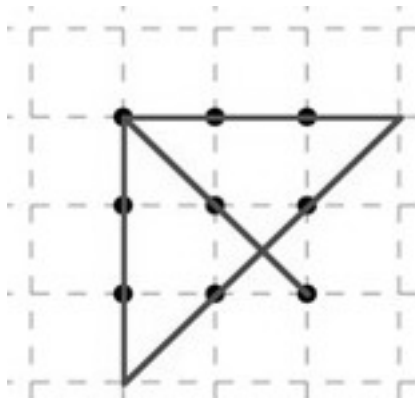

Рис. 1. Как соединить 9 точек

независимым от других видов человеческой деятельности, оно интегрировано в сложную поведенческую динамику человека и интерпретируется наблюдателем именно как таковое, т. е. как поведение в наблюдаемом физическом контексте в реальном времени, когда каждая мелочь принимается во внимание. Такое понимание языка предполагает иной набор исходных посылок и допущений, определяющих логику разработки *натуралистической* концепции языка, в отличие от принятой ортодоксальной лингвистикой *рационалистической* концепции, идущей от Декарта. Вот некоторые из этих допущений:

1. Вербальные структуры сами по себе (воспринимаемые на слух акустические колебания, производимые органами речи в конкретной ситуации в реальном времени при координированном взаимодействии двух и более индивидов) – это *не* язык. Язык – это неоднородный набор артефактов (в том числе письменных знаков) и практик, с помощью которых мы используем различные виды поведения таким образом, что становится возможным приписывание семиотических значимостей. Как объект традиционного лингвистического изучения, описания и анализа язык представляет собой *виртуальный объект* [25, 26].

2. Значения *не* содержатся в словах как «контейнерах» смысла; значение возникает из отношения между организмом и его физической и культурной средой (реляционной областью), определяемого ценностью среды для организма [27]. Наличие консенсуальной области взаимодействий создает предпосылки к приобретению разными индивидами *сходного опыта* (в том числе языкового опыта как специфического вида деятельности), мера которого и определяет степень адекватности интерпретации поведения других, т.е. то, что мы привыкли называть пониманием.

3. Высказывания, как естественно-языковые проявления, не «выражают» мысли, они – сигналы, которые ориентируют коммуникантов в их консенсуальной области взаимодействий, подсказки для конструирования значения и, как таковые, они никогда не являются самостоятельными. Высказывания всегда интегрированы с множественными аспектами физического контекста, в котором они осуществляются, равно как и с внутренними состояниями коммуникантов как структурно детерминированных организмов, имеющих каждый свою историю онтогенетического структурного сопряжения со средой; все это вместе участвует в конструировании значения.

3. Как следствие этого, естественно-языковая коммуникация не имеет никакого отношения к «трансляции» смыслов, вкладываемых в «контейнеры» слов, как это следует из кодовой модели языка; суть коммуникации [28] заключается не в обмене смыслами, закодированными в словах, а в *нахождении точек соприкосновения* в процессе интерпретации социально обусловленного поведения в реляционной области. Естественноязыковые высказывания, членя мир, существенной частью которого они сами являются, помогают *конструировать и упорядочивать мир как структурированную систему категоризированного опыта*. Эта структурированная система, коренясь в индивидуальном чувственном опыте мультимодальных когнитивных взаимодействий с миром, интегрирует в себе все аспекты такого опыта – как осознанного, так и неосознанного.

4. Не существует внутренних законов эволюции/развития языка отдельно от эволюции человека говорящего как биологического вида, поскольку эволюция живых систем – это «эволюция ниш, образуемых единствами взаимодействий» [29. С. 4]. Как люди мы становимся тем, что мы есть, будучи погружены в поток совместной деятельности с другими, образующей характерную для человека *экологическую нишу*, без и вне которой человека невозможно понять ни в биологическом, ни в социальном аспекте [30, 31].

5. Когнитивные способности человека, отличающие его от всех остальных биологических видов, **возникают** в процессе развития компонентов сис-

темы (молодых особей) в полностью функциональных субъектов, способных к целеполаганию и проявлению воли. Хотя системное поведение человеческого общества в целом зависит от когнитивных способностей его компонентов, сами эти когнитивные способности возникают в области языка (отношений между компонентами) **как системного поведения человеческого общества**. Именно в этом проявляется экологический характер отношений между человеческим обществом и областью языковых взаимодействий как той средой, в которой происходит формирование когнитивной структуры человеческого организма [32].

6. Игнорирование экологического характера языка как реляционной области приводит к непониманию процессов, формирующих когницию на уровне как индивида, так и общества. Эти процессы влияют на когнитивную структуру человека и организацию общества как живой системы, определяя соответствующие системы ценностей и экзистенциальные траектории [33]. Важнейшему измерению человека и общества, определяющему их эволюцию как когнитивных (живых) систем, не уделяется должного внимания, что отрицательно сказывается на общем состоянии когнитивной науки. Признание экологического характера языковых взаимодействий, обеспечивающих единство общества как живой системы, заставляет радикальным образом пересмотреть роль языка в эволюции когнитивной ниши человека. С экологической точки зрения можно говорить о языковых изменениях как изменениях в окружающей среде, вызванных деятельностью отдельных организмов; в свою очередь, эти изменения начинают оказывать влияние на самих индивидов.

Перечень обновленных познавательных установок для биологически ориентированной науки о языке можно продолжить, но и приведенных выше, как представляется, достаточно, чтобы сформулировать задачи на ближайшее будущее. Опираясь на биологию познания и языка У. Матураны как новую эпистемологию [34], следует сосредоточиться на том, как реляционная динамика языковых взаимодействий провоцирует изменения в нервной системе и в организме в целом и каким образом их взаимная каузальность различается и описывается говорящим наблюдателем в терминах *разума, интеллекта, сознания и самосознания* [23]. Для этого нужно радикально пересмотреть повестку дня наук о языке, начав с научного определения предметной области языкознания [35, 36] и непредвзятого анализа метаязыка традиционной лингвистики. Выбраться из эпистемологической ловушки языка можно лишь определив новые концептуально-теоретические рамки для когнитивных исследований [37, 38]. Построенная в этих рамках теория должна быть в состоянии объяснить язык как *биологически, социально и экологически обусловленное интеракционное поведение, в котором рождается интеллект*. Биологически ориентированная когнитивная наука уже начала движение по этому пути, и это вселяет надежду на то, что XXI в. станет веком преодоления укorenившейся традиции и освобождения науки о языке от эпистемологических пут репрезентационализма.

Литература

1. Kravchenko A.V. Whence the autonomy? A reply to Harnad and Dror // Pragmatics & Cognition. 2007. № 15(3). P. 587–597.

2. *Dennett D.C.* Kinds of Minds: Toward an understanding of consciousness. N.Y.: Basic Books, 1996.
3. *Lamb S.* Pathways of the Brain: The neurocognitive basis of language. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1999. XII, 418 p.
4. *Кравченко А.В.* «Репрезентация мыслительных структур в языке» как тема научного дискурса // Когнитивные исследования языка. Вып. 12: Теоретические аспекты языковой репрезентации. Москва; Тамбов. 2012. С. 205–216.
5. *Кравченко А.В.* Что изучает концептология? // Материалы I Междунар. науч. конф. «Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал», 5–7 окт. 2011, Барнаул, 2011. С. 248–251.
6. *Кравченко А.В.* Концепт, концепта, концепту: модный дискурс на незаданную тему // Записки з романо-германської філології. Вип. 1(30). Одеський національний університет імені І.І. Мечникова. Одеса, 2013. С. 115–124.
7. *Кравченко А.В.* Некоторые соображения о сознании и языке: гомункулус когнитивного интернализма // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Вып. 15. Владикавказ, 2013. С. 39–46.
8. *Кравченко А.В.* От языкового мифа к биологической реальности: переосмысля познавательные установки языкознания. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2013. 388 с.
9. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс Универс, 1993. 656 с.
10. *Йорф Б.Л.* Наука и языкознание // Языки как образ мира. М.; СПб., 2003. С. 202–219.
11. *Хайдеггер М.* Время и бытие. М.: Республика, 1993. 447 с.
12. *Кравченко А.В.* Гипотеза Сепира–Йорфа в контексте биологии познания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 1. С. 5–14.
13. *Беляева Л.Н.* Проблема извлечения знаний и современные технологии // Язык в парадигмах гуманитарного знания: XXI век / под общ. ред. В.Е. Чернявской, С.Т. Золяна. СПб.; Лингва. 2009. С. 126–142.
14. *Maturana, H.R.* The biological foundations of self consciousness and the physical domain of existence // N. Luhmann, H. Maturana, M. Namiki, V. Redder, F. Varela, *Beobachter: Konvergenz der Erkenntnistheorien?* (2nd ed.). Munich, 1992. P. 47–117.
15. *Maturana H.R.* Biology of language: The epistemology of reality // G. Miller, E. Lenneberg (eds.), *Psychology and Biology of Language and Thought*. New York, 1978. P. 28–62.
16. *Jennings, R.E., Thompson J.J.* The biological centrality of talk // A.V. Kravchenko (ed.). *Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012. P. 33–63.
17. *Deacon T.W.* The Symbolic Species: The co-evolution of language and the human brain. W.W. Norton & Co, 1997. 527 p.
18. *Bartsch R.* Consciousness Emerging: The dynamics of perception, imagination, action, memory, thought, and language. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2002. X, 258 p.
19. *Järvillehto T.* Consciousness as co-operation // *Advances in Mind-Body Medicine*, 2000. № 16, P. 89–92.
20. *Thompson E.* Empathy and consciousness // *Journal of Consciousness Studies*. 2001. Vol. 8, № 5–7. P. 1–32.
21. *Кравченко А.В.* Объективный реализм и биология познания: эпистемологический поворот // Гуманит. чтения РГГУ-2014: сб. материалов. М., 2015. С. 697–709.
22. *Kravchenko A.V.* How Humberto Maturana's biology of cognition can revive the language sciences // *Constructivist Foundations*. 2011. Vol. 6, № 3. P. 352–362.
23. *Maturana H., Mpodozis J., Letelier J.C.* Brain, language, and the origin of human mental functions // *Biological Research*. 1995. № 28. P. 15–26.
24. *Kravchenko A.V.* Two views on language ecology and ecolinguistics // *Language Sciences*. 2016. Vol. 54. P. 102–113.
25. *Kravchenko A.V.* Native speakers, mother tongues, and other objects of wonder // *Language Sciences*. 2010. Vol. 32, № 6. P. 677–785.
26. *Кравченко А.В.* Является ли традиционный лингвистический анализ анализом языка? // Вестн. ТвГУ. Сер.: Филология. 2015. № 2. С. 54–62.
27. *Златев Й.* Значение = жизнь (+ культура): набросок единой биокультурной теории значения // *Язык и познание: методологические проблемы и перспективы* (*Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1). М., 2006. С. 308–361.

28. Кравченко А.В. Что такое коммуникация?: Очерк биокогнитивной философии языка // В.В. Дементьев (ред.). Прямая и непрямая коммуникация. Саратов, 2003. С. 27–39.
29. Maturana H.R. Biology of Cognition. BCL Report # 9.0. University of Illinois, Urbana, 1970. 27 p.
30. Steffensen S.V. Beyond mind: an extended ecology of languaging // S. Cowley (ed.), Distributed Language. Amsterdam, Philadelphia, 2011. P. 185–210.
31. Kravchenko A., Boiko S. What is happening to Russian? Linguistic change as an ecological process // Russian Journal of Communication. 2014. Vol. 6, № 3. P. 232–245.
32. Кравченко А.В. Что такое «когнитивная структура», или Об одном распространенном заблуждении // Когнитивные исследования языка. Вып. 9: Взаимодействие когнитивных и языковых структур. Москва; Тамбов, 2011. С. 96–104.
33. Hodges B.H. Ecological pragmatics: Values, dialogical arrays, complexity and caring // Pragmatics and Cognition. 2009. Vol. 17, № 3. P. 628–652.
34. Кравченко А.В. Когнитивная лингвистика и новая эпистемология // Изв. АН. Сер. Лит. и яз. 2001. Т. 60, № 5. С. 3–13.
35. Кравченко А.В. Биологическая реальность языка // Вopr. когнитивной лингвистики. 2013. № 1. С. 55–63.
36. Кравченко А.В. О предметной области языкознания // А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев (сост.). Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. М., 2015. С. 155–172.
37. Кравченко А.В. Понятие социолингвистики как метаязыковой казус // Язык – когниция – социум // Тез. докл. междунар. науч. конф., 12–13 ноября 2012. Минск, 2012. С. 47–48.
38. Кравченко А.В. Зачем и почему нужно трансформировать науку о языке // К. Янашек, Й. Митурска-Бояновска, А. Шунков, Б. Родзевич (ред.), НОМО COMMUNICANS II: Человек в пространстве межкультурных коммуникаций. Щецин, 2012. С. 128–133.

THE EPISTEMOLOGICAL TRAP OF LANGUAGE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2016. 3 (41). 14–26. DOI: 10.17223/19986645/41/2

Kravchenko Alexander V., Baikal National University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: sashakr@bgu.ru / sashakr@hotmail.com

Keywords: representationalism, mind, knowledge, biology of language, metalanguage.

Despite the focus of cognitivism on mental processes the concept of thought remains largely undetermined. Neuroscience can hardly lead to a major breakthrough until neuronal processes continue to be viewed as the property of the brain as their material substrate; understanding how the brain functions does not answer the question about the nature of thought. At the start, a much simpler question should be asked: How are humans as a biological species so radically different from any other species, and is it not this difference that accounts for the origin of human mind?

The epistemology of external realism construes the function of mind as the representation of the world in terms of mental images which are stored in the mind (brain) as knowledge about the world and thus allow humans to cognize the world in the course of adaptively adequate human-world interactions. Operations on such mental images, so it seems, constitute the core of mental processes which are further externalized via linguistic representation. It follows that knowledge is represented in linguistic form as an object in external reality (the world), which tempts us to think that knowledge is a thing 'out there'. This is a naive world view woven into the very fabric of our everyday language, and because 'language is the house of being', we take it for granted that language is a system of signs used as a tool for the transfer of thought; such transfer is believed to be at the basis of linguistic communication. Thus we push ourselves into an epistemological trap which precludes further progress in understanding the nature of language and mind.

Progress in this direction is possible with an understanding of the biosocial function of language as a cognitive domain of coordinated interactions in the course of which individual minds form and develop; mind does not exist and may not be viewed outside of languaging, nor can it be opposed to it. Leaning on the biology of language and cognition, researchers should focus on how the relational dynamics of linguistic interactions triggers changes in the nervous system and in the organism as a whole, and how their reciprocal causality is distinguished and described by the speaking observer in terms of mind, intelligence, consciousness, and self-consciousness. To that end, the agenda of language sciences must be radically revised, beginning with a scientific definition of their subject matter and an unbiased analysis of the metalanguage of traditional linguistics.

References

1. Kravchenko, A.V. (2007) Whence the autonomy? A reply to Harnad and Dror. *Pragmatics & Cognition*. 15(3). pp. 587–597.
2. Dennett, D.C. (1996) *Kinds of Minds: Toward an understanding of consciousness*. New York, N.Y.: Basic Books.
3. Lamb, S. (1999) *Pathways of the Brain: The neurocognitive basis of language*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.
4. Kravchenko, A.V. (2012) “Reprezentatsiya myslitel’nykh struktur v yazyke” kak tema nauchnogo diskursa [“Representation of mental structures in the language” as the theme of scientific discourse]. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [The cognitive study of language]. Is. 12. Moscow; Tambov: Institute of Linguistics RAS; Tambov State University. pp. 205–216.
5. Kravchenko, A.V. (2011) [What does conceptology study?]. *Funktsional’no-kognitivnyy analiz yazykovykh edinits i ego aplikativnyy potentsial* [Functional-cognitive analysis of language units and its applicative potential]. Proceedings of I international conference. 5–7 October 2011. Barnaul. pp. 248–251. (In Russian).
6. Kravchenko, A.V. (2013) Kontsept, kontsepta, kontseptu: modnyy diskurs na nezadannuyu temu [Concept, of concept, to concept: fashionable discourse on the topic unset]. In: *Zapiski z romano-germans’koi filologii* [Notes on Romance-Germanic philology]. Is. 1(30). Odessa: KP OMD. pp. 115–124.
7. Kravchenko, A.V. (2013) Nekotorye soobrazheniya o soznanii i yazyke: gomunkulus kognitivnogo internalizma [Some thoughts on consciousness and language: homunculus of cognitive internalism]. In: *Aktual’nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Topical problems of philology and pedagogical linguistics]. Is. 15. Vladikavkaz: North Ossetian State University. pp. 39–46.
8. Kravchenko, A.V. (2013) *Ot yazykovogo mifa k biologicheskoy real’nosti: pereosmyslyaya poznavatel’nye ustanovki yazykoznaniya* [From the language myth to the biological reality: rethinking cognitive orientations of linguistics]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi.
9. Sapir, E. (1993) *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i kul’turologii* [Selected works on linguistics and cultural studies]. Moscow: Progress Univers.
10. Whorf, B.L. (2003) Nauka i yazykoznanie [Science and linguistics]. In: Korolyova, K. (ed.) *Yazyki kak obraz mira* [Languages as an image of the world]. Moscow: AST; St. Petersburg: Terra Fantastica.
11. Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytie* [Time and Being]. Moscow: Respublika.
12. Kravchenko, A.V. (2007) Gipoteza Sepira-Uorfa v kontekste biologii poznaniya [Hypothesis of Sapir and Whorf in the context of the biology of cognition]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 1. pp. 5–14.
13. Belyaeva, L.N. (2009) Problema izvlecheniya znaniy i sovremennye tekhnologii [The problem of extracting knowledge and modern technology]. In: Chernyavskaya, V.E. & Zolyan, S.T. (eds) *Yazyk v paradigmakh gumanitarnogo znaniya: XXI vek* [Language paradigms in the humanities: the 21st century]. St. Petersburg: SPbGUEF; Lingva.
14. Maturana, H.R. (1992) The biological foundations of self consciousness and the physical domain of existence. In: Luhmann, N. et al. *Beobachter: Konvergenz der Erkenntnistheorien?* [Observers: convergence of theories of knowledge?]. 2nd ed. Munich: Wilhelm Fink Verlag.
15. Maturana, H.R. (1978) Biology of language: The epistemology of reality. In: Miller, G. & Lenneberg, E. (eds) *Psychology and Biology of Language and Thought*. New York: Academic Press.
16. Jennings, R.E. & Thompson, J.J. (2012) The biological centrality of talk. In: Kravchenko, A.V. (ed.) *Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.
17. Deacon, T.W. (1997) *The Symbolic Species: The co-evolution of language and the human brain*. W. W. Norton & Co.
18. Bartsch, R. (2002) *Consciousness Emerging: The dynamics of perception, imagination, action, memory, thought, and language*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.
19. Järvillehto, T. (2000) Consciousness as co-operation. *Advances in Mind-Body Medicine*. 16. pp. 89–92.
20. Thompson, E. (2001) Empathy and consciousness. *Journal of Consciousness Studies*. 8:5–7. pp. 1–32.
21. Kravchenko A.V. (2015) Ob’ektivnyy realizm i biologiya poznaniya: epistemologicheskiiy

povorot [Objective realism and biology of cognition: an epistemological turn]. In: *Gumanitarnye chteniya RGGU – 2014* [Humanities Readings RSUH – 2014]. Moscow: RSUH.

22. Kravchenko, A.V. (2011) How Humberto Maturana's biology of cognition can revive the language sciences. *Constructivist Foundations*. 6:3. pp. 352–362.

23. Maturana, H., Mpodozis, J. & Letelier, J.C. (1995) Brain, language, and the origin of human mental functions. *Biological Research*. 28. pp. 15–26.

24. Kravchenko, A.V. (2016) Two views on language ecology and ecolinguistics. *Language Sciences*. 54. pp. 102–113.

25. Kravchenko, A.V. (2010) Native speakers, mother tongues, and other objects of wonder. *Language Sciences*. 32:6. pp. 677–785.

26. Kravchenko, A.V. (2015) Is traditional linguistic analysis an analysis of language? *Vestnik TvGU. Seriya: Filologiya*. 2. pp. 54–62. (In Russian).

27. Zlatev, Y. (2006) Znachenie = zhizn' (+ kul'tura): Nabrosok edinoi biokul'turnoy teorii znacheniya [Meaning = life (+ culture): Sketch of a single biocultural theory of meanings]. In: *Yazyk i poznanie: metodologicheskie problemy i perspektivy* [Language and cognition: Methodological problems and prospects]. *Studia Linguistica Cognitiva*. 1. Moscow: Gnozis. pp. 308–361.

28. Kravchenko, A.V. (2003) Chto takoe kommunikatsiya? Ocherk biokognitivnoy filosofii yazyka [What is communication? Essay of the biocognitive philosophy of language]. In: Dement'ev, V.V. (red.). *Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya* [Direct and indirect communication]. Saratov: Kolledzh.

29. Maturana, H.R. (1970) *Biology of Cognition*. BCL Report # 9.0. University of Illinois, Urbana.

30. Steffensen, S.V. (2011) Beyond mind: an extended ecology of languaging. In: Cowley, S. (ed.) *Distributed Language*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.

31. Kravchenko, A. & Boiko, S. (2014) What is happening to Russian? Linguistic change as an ecological process. *Russian Journal of Communication*. 6:3. pp. 232–245.

32. Kravchenko, A.V. (2011) Chto takoe "kognitivnaya struktura", ili ob odnom rasprostranennom zabluzhdenii [What is "cognitive structure", or about a common misconception]. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [The cognitive study of language]. Is. 9. Moscow; Tambov: Institute of Linguistics RAS; Tambov State University. pp. 96–104.

33. Hodges, B.H. (2009) Ecological pragmatics: Values, dialogical arrays, complexity and caring. *Pragmatics and Cognition*. 17:3. pp. 628–652. DOI: 10.1075/p17.3.08hod

34. Kravchenko, A.V. (2001) Kognitivnaya lingvistika i novaya epistemologiya [Cognitive Linguistics and the new epistemology]. *Izvestiya AN. Seriya literatury i yazyka*. 60:5. pp. 3–13.

35. Kravchenko, A.V. (2013) Biologicheskaya real'nost' yazyka [The biological reality of language]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 1. pp. 55–63.

36. Kravchenko, A.V. (2015) O predmetnoy oblasti yazykoznaniya [On the subject field of linguistics]. In: Kibrik, A.A. & Koshelev, A.D. *Yazyk i mysl': sovremennaya kognitivnaya lingvistika* [Language and thought: modern cognitive linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury

37. Kravchenko, A.V. (2012) [Concept of sociolinguistics as a metalinguistic incident]. *Yazyk – kognitsiya – sotsium* [Language – cognition – society]. Proceedings of the international conference. 12–13 November. Minsk: Minsk State Linguistic University. pp. 47–48. (In Russian).

38. Kravchenko, A.V. (2012) Zachem i pochemu nuzhno transformirovat' nauku o yazyke [Why one needs to transform the science of language]. In: K. Yanashek, K. et al. (eds) *HOMO COMMUNICANS II: Chelovek v prostranstve mezhkul'turnykh kommunikatsiy* [HOMO COMMUNICANS II: Man in the space of intercultural communications]. Shchetsin: GRAFFORM.